«Вот и пролито немного света на бедствие, постигшее Колледж Инженерии в тот злосчастный год. Полагаю, что теперь можно перейти к рассказу на другую тему. Как раз на этом этапе своей жизни я приобрёл больше знаний о мерзкой породе крысолюдей, известных как скавены, чем когда–либо хотел или считал целесообразным. Наши наиболее фанатично настроенные охотники на ведьм считали достаточной причиной для сожжения на костре само обладание подобными знаниями. Я часто думаю, что если бы такие люди уделяли хотя бы половину рвения, с которым они гоняются за безвинными учёными, преследованию настоящих врагов нашего общества — наш мир был бы безопасным и счастливым местом. Разумеется, подлинные враги нашего общества куда как более опасная порода, чем невиновные учёные, и имеют союзников в самых высоких кругах. Я предоставляю моим читателям самим сделать из этого выводы».

„Мои странствия с Готреком“ Том III, Феликс Ягер (Альтдорф Пресс 2505)

Мужчина схватился за горло, издал булькающий стон и рухнул; сквозь его губы сочилась пена, мерзкая зелёная субстанция вытекала из ноздрей. Он лежал на спине в мусорной куче и яростно молотил кулаками по грязной мостовой, затем силы оставили его. Его конечности слабо дёрнулись в финальной судороге, потом он издал последний долгий стон и затих.

Неподалёку на улице люди в сильном испуге посмотрели друг на друга, а затем отбежали от тела со всей возможной скоростью. Нищие повылезали со своих лежбищ. Уличные торговцы покинули свои прилавки, домохозяйки попрятались по домам, заперев двери. Богатые купцы понукали носильщиков своих паланкинов увеличить скорость. За несколько минут улица практически опустела. Повсюду в шуме разбегавшейся толпы раздавалось одно слово — чума!

Феликс Ягер оглядел внезапно опустевшую улицу. Было незаметно, чтобы кто–либо спешил помочь бедняге, так что, похоже, эта работа легла на него. Он прикрыл рот своим оборванным плащом и опустился на колени возле тела. Он положил руку на грудь мужчины, проверяя сердцебиение.

Слишком поздно. Мужчине не требовалась никакая помощь — он был мёртв. Феликс достаточно сталкивался со смертью, чтобы понять это.

— Феликс, отойди. Мне страшно.

Феликс поднял глаза. Неподалёку стояла Элисса, с бледным лицом и круглыми глазами. Она провела рукой по своим курчавым чёрным волосам, затем поднесла её обратно ко рту.

— Нечего тут пугаться, — проговорил Феликс. — Парень помер.

— Меня пугает то, что его убило. Похоже, что он умер от нового вида чумы.

Феликс поднялся, его мысли заполнил суеверный страх. Впервые он был вынужден сопоставить смерть, свидетелем которой только что был, и причину, по которой все остальные разбежались.

Чума любой формы — ужасное заболевание. Она достает везде, убивает любого, и бедного, и богатого. Никто не знает, чем она вызывается. Кто–то говорит о тёмном влиянии Хаоса. Кто–то — о каре богов грешному человечеству. Не вызывает сомнения лишь одно — если чума выбрала тебя своей жертвой, тут уже весьма немного можно сделать для спасения. С этим смертельным заболеванием безуспешно боролись лучшие медики и наиболее могущественные маги. Феликс быстро отошёл от тела и хотел своей рукой утешающе обнять Элиссу. Она осторожно увернулась, словно он был переносчиком заразы.

— Я не болен чумой, — заявил он оскорблённо.

— Ты не можешь этого знать.

Феликс поглядел на тело и содрогнулся.

— Для этого бедняги день однозначно оказался не самым удачным, — сказала Элисса.

— Что ты имеешь в виду?

— Взгляни. На его рубахе чёрная роза. Он только что с похорон.

— Да уж, а теперь ему предстоят его собственные, — тихо произнёс Феликс.

* * *

— Сегодня это уже четвёртая смерть от чумы, о которой я слышал, — сказал Хайнц, когда Феликс рассказал ему новости. — Парни в баре ни о чём, кроме этого не говорят. Они делают ставки на то, каким будет это число с наступлением ночи.

С одной стороны эти известия порадовали Феликса. Последние несколько дней горожане обсуждали лишь сожжение Колледжа Инженерии. Большинство заявляли, что это саботаж, предпринятый последователями Хаоса или бретонцами. Феликс испытывал продолжительные угрызения совести, когда вспоминал о своём участии в том событии.

— И что ты думаешь? — поинтересовался Феликс, оглядывая, сколь много людей собралось. Бар был заполнен до отказа, и неизбежная толкотня уже приводила к размолвкам. Феликс предчувствовал, что вечер определённо не обойдётся без неприятностей.

— Я поставил на то, что их будет десять. Год назад, когда пришла Красная Оспа, к полуночи помирало до двадцати человек. Но та Красная Оспа была опасной. Худшей за двадцать лет. И всё же нельзя предугадать, эта может оказаться ещё хуже, пока не закончится.

— Я имел в виду, что, по–твоему, её вызывает? — сказал Феликс. — Каким образом она распространяется?

— Я не медик, Феликс, я — бармен. Полагаю, что её разносят непослушные дети и ведьмы. Так говаривала моя жена — старая Лотта.

— Думаешь, я мог подхватить её от того бедняги?

— Возможно. Но я не беспокоюсь. Я думаю, что когда старикан Морр вытащит из своей большой чёрной шляпы твоё имя, тут уже ничего не поделать. Я уверен только в одном.

— В чём же это?

— Это хорошо для дела. Как только приходит чума, люди наполняют таверны. Они хотят забыться, и как можно скорее.

— Может, они желают помереть пьяными.

— Есть куда худшие способы расстаться с жизнью, малыш Феликс.

— Да уж.

— Ладно, ты лучше пойди и помешай тем тилеанцам поставить друг друга на ножи, а то скоро мы сможем это пронаблюдать наглядно.

— Я разберусь с этим.

Феликс пошёл и быстро вмешался в перепалку. Через несколько секунд у него были более неотложные поводы для беспокойства, чем заражение чумой.

— Итак, чума тебя не беспокоит? — спросил Феликс, уклоняясь от замаха пьяного солдата–наёмника.

— Никогда не подхватывал, человечий отпрыск, — ответил Готрек Гурниссон.

Схватив наёмника за ухо, он опустил его голову на уровень своей и затем отвесил мужчине удар головой, от которого кровь хлынула из разбитого носа человека, добавив новый широкий след на громадный хохол выкрашенных в рыжий цвет волос Истребителя.

— Я побывал в дюжине осад. Люди мёрли, как мухи, а я был в порядке. Гномы обычно не заболевают чумой. Это удел менее выносливых рас, вроде эльфов и людей.

Феликс схватил двух скандалящих дружков наёмника за загривки и поставил их вертикально. Готрек подхватил одного, Феликс второго, и они выставили их через вращающиеся двери на грязную улицу.

— Худшее, что у меня бывало — это тяжёлое похмелье, — сказал Готрек.

— И не возвращайтесь! — проорал он на улицу.

Феликс повернулся, чтобы осмотреть бар. Как и предсказывал Хайнц, бар был полон. Дворяне, забавы ради ошивающиеся в трущобах, смешались с половиной городских головорезов и распутников. Большая группа наёмников, только что пришедших с караваном из Мидденхейма, тратила свои деньги так, словно это был их последний день.

«А может, они правы, — подумал Феликс, — может, не будет никакого завтра. Может, правы все эти пророки с перекрёстков. Возможно, приближается конец света. Несомненно одно, мир сегодня прекратил своё существование для того человека, который умер на улице».

В дальнем углу он заметил Элиссу, разговаривающую с мускулистым молодым парнем, одетым по–крестьянски, в грубую рубаху и узкие штаны. На мгновение их беседа стала оживлённой, затем Элисса повернулась, чтобы уйти. Только она это сделала, юноша поднялся и схватил её за запястье. Феликс начал продвигаться, чтобы вмешаться. Быть облапанной — профессиональный риск прислуживающих официанток, но ему не хотелось, чтобы подобное происходило с Элиссой. Она повернулась и что–то сказала юноше. Тот разжал руку и немедленно дал ей уйти, на его лице было выражение какого–то потрясения. Элисса оставила его там, с раскрытым ртом и страдающим взглядом в глазах.

Элисса поспешила мимо с поднятой головой, неся полный поднос пустых кружек. Феликс поймал её за руку, развернул и поцеловал в щёку.

— Я не болен чумой, — сказал он, но она всё равно увернулась.

Феликс слышал, что слово „чума“ обсуждается за каждым столом. Словно во всём проклятом городе не было других тем для разговора.

— Честное слово, не болен, — тихо прибавил Феликс.

Он обернулся и заметил, что юноша, с которым разговаривала Элисса, уставился на него гневным взглядом. Феликс склонялся к тому, чтобы подойти и переговорить с ним, но прежде чем он смог это сделать, молодой крестьянин поднялся и широким шагом, не сворачивая, прошёл к двери.

* * *

— Я знаю, что ты не болен чумой, — сказала Элисса, теснее прижавшись к Феликсу на соломенной постели, которую они делили.

Она достала соломинку из дыры в матрасе и начала ей щекотать его под носом.

— Тебе не нужно мне постоянно об этом говорить. В самом деле, я хочу, чтобы ты просто помалкивал на эту тему.

— Может быть, я пытаюсь убедить самого себя, — сказал он, схватив за запястье и обездвижив её руку.

Своей другой рукой он дотянулся и стал её щекотать.

— С кем это ты недавно разговаривала? — спросил он.

— Когда?

— Внизу, в баре. Молодой человек. Выглядел так, будто только что с фермы.

— А, тогда ты его видел? — спросила она голосом, полным притворной невинности.

— Именно так.

— То был Ганс.

— Кто такой этот Ганс? — спокойно поинтересовался Феликс.

— Он просто друг.

— Похоже, он так не считает, судя по взгляду, которым он на меня посмотрел.

— Мы раньше вместе возвращались в мою деревню, но он очень ревнив и у него скверный характер.

— Он бил тебя?

— Нет, он бил любого мужчину, который, по его разумению, неправильно смотрел на меня. Старейшинам деревни это надоело, и они посадили его в колодки. После этого он убежал в город, по его словам, на поиски удачи.

— И ты пришла сюда его отыскать?

— Может быть. Это было давно, а Нульн большой город. До сегодняшней ночи, когда он пришёл в „Свинью“, я никогда его больше не видела. Он не особо изменился.

— Вы были близки?

— Когда–то.

— Не теперь?

— Нет.

Элисса посмотрела на него с серьёзным видом.

— Ты задаешь много вопросов, Феликс Ягер.

— Тогда останови меня, — сказал он и начал жадно её целовать.

Но мыслями он всё возвращался к Элиссе и Гансу, гадая о том, что же произошло между ними.

* * *

Серый провидец Танкуоль взбодрил себя ещё одной понюшкой порошка искривляющего камня. Сильнодействующий, взрывающий мозг наркотик вызвал разряд чистейшей энергии по всему телу, и хвост Танкуоля затвердел в экстазе. Выдающийся успех тёплыми лучами подогревал его самолюбие.

Замысловатый план удался, и планы его соперника Хескита Одноглазого по овладению всеми технологическими секретами человеческого Колледжа Инженерии провалились. Танкуоль оскалил свои клыки в усмешке, когда представил сильнейшее разочарование Хескита. Он заставил высокомерного техномага лежать ниц в грязи на глазах всей армии, пока тот объяснял, что же произошло. Он выругал Хескита за то, что своими непродуманными действиями тот чуть не поставил под угрозу всю блистательную кампанию по нападению на Нульн, и отправил его восвояси с поджатым между ног хвостом.

Сейчас Хескит в дурном настроении уединился в своих апартаментах, ожидая прибытия подкреплений из Скавенблайта на замену бойцам, потерянным им на поверхности. Если повезёт, то никакие новые бойцы не прибудут. Хескита даже могут отозвать в Скавенблайт для объяснения своих действий перед вышестоящими. «Возможно, — подумал Танкуоль, — пара слов в нужное ухо поспособствуют именно такому развитию событий».

Занавес, отделявший личную нору Танкуоля от остальных Подземных Путей, отдёрнулся, и в помещение вошёл небольшой скавен.

Танкуоль рефлексивно прыгнул за свой трон. Жуткое свечение тёмной энергии окружило его лапу, когда он призвал магические силы для распыления непрошенного посетителя на составные части; но потом он увидел, что это всего лишь Ларк Стукач, и временно приостановил заклинание.

— Печальные известия, величайший из властителей! — прочирикал Ларк, затем молча упал, заметив магическую ауру, окружающую серого провидца.

— Нет! Нет! Милосерднейший из хозяев, не убивай меня! Не надо! Не надо!

— Под страхом мучительнейшей смерти, никогда больше не врывайся в мои покои без предупреждения, — произнёс Танкуоль, ни на мгновение не теряя бдительности.

Помимо прочего, не дано знать, когда может произойти попытка покушения. Повсюду

завистливые соперники.

— Да! Да, проницательнейший из провидцев. Этого никогда более не случится. Вот только…

— Только что?

— Только я принёс крайне важные известия, о великий.

— И что это за известия?

— До меня дошли слухи …

— Слухи?! Ты ворвался в мои неприкосновенные покои и рассказываешь мне про слухи!

— Слухи от источника, обычно заслуживающего доверия, величайший из авторитетов.

Танкуоль кивнул головой. То было другое дело. По прошествии последних нескольких дней Танкуоль стал испытывать определённое уважение к сети информаторов Ларка. У небольшого скавена был талант вынюхивать информацию, в этом он мог соперничать даже с Танкуолем… почти.

— Продолжай! Говори! Говори! Не трать моё драгоценное время!

— Да! Да! Я слышал слухи, что Вилеброт Нуль и его главные помощники оставили Подземные Пути и отправились на поверхность, в человечий город Нульн, чтобы основать там тайное логово.

«Что задумал аббат из клана Чумы, — думал Танкуоль, путаясь в мыслях. — Что это значит? Это неизбежно подразумевает какую–то измену святому делу скавенов, какие–то козни по отнятию у Танкуоля по праву принадлежащей ему славы».

— Продолжай!

— Возможно, что они прихватили с собой Котёл Тысячи Болезней!

«О, нет», — подумал Танкуоль. Котёл был одним из наиболее могущественных артефактов, которые считались принадлежащими клану Чумы. С раннего детства Танкуоль слышал зловещие рассказы о его силах. Говорили, что его назначение — постоянно производить ужасные болезни; что артефакт был на заре мира украден из храма Нургла, Бога Чумы, и переосвящён для служения Рогатой Крысе.

Если котёл где–то на поверхности, то это означает одно — Вилеброт Нуль собирается наслать чуму на людей. При нормальных обстоятельствах, Танкуоль был бы только доволен такой возможностью — если бы находился на расстоянии тысячи лиг! Чума, насылаемая кланом Чумы, имеет обыкновение выходить из–под контроля, затрагивая скавенов столь легко, как и планируемых жертв. Только сами чумные монахи вроде бы имеют иммунитет. Много практически одержанных побед скавенов не состоялось лишь по этой причине. И теперь клану Чумы позволялось высвобождать свои творения только по специальному разрешению Совета Тринадцати.

Последняя вещь, которую бы сейчас хотел Танкуоль — это уничтожение его армии чумой, вышедшей из–под контроля. Он просчитывал и другие последствия. Совет, конечно же, не будет осуждать успех. Возможно, чума сможет ослабить людей, не затронув скавенскую орду.

Но если это произойдёт, Совет Тринадцати может оказать протекцию Вилеброту Нулю и отменить своё покровительство Танкуолю. Нуль может даже быть вознаграждён предоставлением командования над силами вторжения.

Танкуоль размышлял. Что же ещё может за этим скрываться? Если эта затея — достойный уважения вклад содействия вторжению, то почему не поставлен в известность Танкуоль? Помимо всего прочего, он — главнокомандующий. Нет, должно быть, это какая–то подлая интрига Нуля по захвату власти. Следовало что–то предпринять по поводу этой измены и вопиющего нарушения распоряжений Совета Тринадцати.

Тут Танкуоля посетила другая мысль. Его агенты на поверхности уже докладывали о новой и ужасной болезни, распространяющейся по человечьим норам. Несомненно, Вилеброт Нуль уже начал приводить в действие свой мерзкий замысел. Нельзя упускать время!

— Быстро! Быстро! Куда отправились эти негодяи и изменники?

— Я не знаю, благороднейший из властителей. Мои агенты не говорили этого!

— Беги! Быстро! Быстро! Убирайся и отыщи их.

— Незамедлительно, решительнейший из предводителей!

— Подожди! Подожди! Перед уходом принеси мне пергамент и перо. У меня есть идея.

* * *

— Ты чихнул! — сказала Элисса.

— Вот и нет! — ответил Феликс, хорошо осознавая, что лжёт.

Его глаза опухли, и текло из носа. Также он немного потел. И не ощущает ли он первые слабые покалывания воспалённого горла?

У Элиссы начался сухой кашель. Она прикрыла свой рот одной рукой, но всё её тело сотрясалось.

— Ты кашляешь, — сказал Феликс и тут же пожалел об этом.

В уголках глаз девушки начали появляться слёзы.

— О, Феликс, — произнесла она. — Ты думаешь, мы заболели чумой?

— Нет. Однозначно, нет, — ответил Феликс, но в глубине души он не был столь уверен.

Ледяной ужас охватил его.

— Одевайся, — сказал он. — Мы пойдём к медику.

«Сегодня доктор занят, это более чем очевидно», — подумал Феликс. Тут была очередь, растянувшаяся на полквартала от его небольшой и невзрачной конторы. Походило на то, что тут собралось полгорода; кашляли, сопели, отхаркивались и сплёвывали на улицу. В воздухе веяло едва сдерживаемой паникой. Раз или два Феликс замечал потасовки.

«Это бесполезно», — решил Феликс. При таких обстоятельствах им не грозит сегодня повидать

врача, а приделы Храма Шаллии уже забиты страждущими. Был вариант получше.

— Пошли. У меня есть идея, — сказал он, схватив Элиссу за руку и вытащив её из очереди.

— Нет, Феликс, мне нужно показаться доктору.

— Не беспокойся, покажешься.

* * *

— Феликс! Что ты тут делаешь? — Отто не выглядел довольным.

В действительности, он не выглядел довольным с момента, как Феликс отклонил его предложение о возвращении в семейное дело и, вместо этого, начал работать в „Слепой свинье“. Феликс пристально рассмотрел брата. Сегодня Отто был одет особенно богато, в одеяние из пурпурной парчи, отделанное мехом горностая, и Феликс остро ощутил свой собственный оборванный внешний вид. Около десяти минут он убеждал клерков позволить ему войти и повидаться с братом.

— Я думаю, ты сможешь мне помочь.

Феликс потянул носом. В помещении был странный аромат благовоний и цветов, так обычно пахнет только на похоронах. Феликса заинтересовало, откуда исходит запах.

— Разумеется, я сделаю, что смогу, — осторожно ответил ему Отто.

«Купец есть купец, — подумал Феликс, — выжидает, какую цену предложат».

— Мне нужно показаться врачу.

Глаза Отто стрельнули от Феликса к Элиссе и обратно к Феликсу. Феликсу нетрудно было понять ход мыслей Отто.

— Ты не… втянул эту девушку в неприятности, или как?

Впервые за этот день Феликс рассмеялся.

— Нет.

— Тогда в чём проблема?

Феликс кратко поведал своему брату об умершем на улице мужчине, о своих симптомах, огромных очередях у доктора и в Храме Шаллии. Отто, сцепив пальцы, внимательно слушал, изредка теребя латунную ладанку с ароматическим составом, поднося её к носу и глубоко вдыхая. Феликс сразу же определил источник запаха в помещении.

— Что это? — поинтересовался он.

— Ладанка с ароматом кореньев и специй из Далёкого Катая. Их испарения — эффективное лечебное снадобье от любых переносимых по воздуху инфекций и вредных телесных жидкостей; в чём–то подобном заверял меня доктор Дрекслер. Может быть, желаешь попробовать?

Отто расстегнул цепочку на шее и протянул маленькую перфорированную сферу Феликсу.

Запах был очень сильный. Он любезно передал её Элиссе. Поднеся её к своим ноздрям, она глубоко вдохнула и начала кашлять.

— Это, несомненно, прочищает нос, — она тяжело дышала, глаза слезились.

Феликс взял шарик и глубоко вдохнул. И немедленно понял, что имела в виду Элисса. Испарения проникли в дыхательные пути подобно ножу.

У них был резкий мятный привкус, и почти сразу ощущение тепла отдалось в голове и груди. Нос прочистился, и дышать стало легче.

— Очень хорошо, — выдохнул он, возвращая изделие. — Но не поможешь ли нам повидать медика?

Отто чопорно поджал губы.

— Разумеется, Феликс. Ты же мой брат.

— А Элиссе?

— И ей тоже.

* * *

«Просто удивительно, как деньги сглаживают все преграды», — думал Феликс, разглядывая приёмные комнаты доктора Дрекслера. Он сомневался, что слуга впустил бы его в двери богато украшенного особняка доктора, не упомяни он имя Отто. Феликс признал, что это было то ещё место.

Стены из дубовых панелей были увешаны сертификатами университетов Нульна, Альтдорфа и Мариенбурга, а также рукописными благодарственными письмами от едва ли не половины коронованных особ Империи. Посреди всего этого впечатляюще выглядел массивный портрет самого доктора, написанный знаменитым Клейнманном. Разумеется, учитывая получаемые им гонорары, Дрекслер определённо был в состоянии позволить себе услуги великого портретиста.

Феликс заглянул в дверной проём. Доктор и Элисса находились в кабинете для врачебных консультаций. Феликса пока оставили снаружи. Он поднялся с удобного кожаного кресла и осмотрелся.

У одной стены располагалась коллекция больших стеклянных банок, которые пришлись бы к месту в лавке алхимика. Книжные шкафы были заполнены старомодными томами в кожаных переплётах. Феликс взял один. Это была „Сущность Зла“ Иоганна Вурмана. Не иначе, как первое издание. Страницы были помяты — это означало, что кто–то здесь читал её. Это были не просто элементы декора, попавшие сюда прямиком от переплётчиков. Феликс просмотрел остальные названия и был удивлён, обнаружив, что только половина из них относилась к медицине или алхимии. Остальные были на различные темы, от естествознания до движения Сфер. Было похоже, что доктор, несомненно, начитанный человек.

— Вы учёный, господин Ягер?

Повернувшись, Феликс обнаружил, что Дрекслер вышел из кабинета для консультаций. Он был невысоким стройным мужчиной с узким дружелюбным лицом и короткой, хорошо ухоженной

бородой. Он скорее выглядел преуспевающим купцом, чем доктором. Его одеяние было не беднее, чем у Отто, и нигде не было заметно ни пятнышка крови. Феликс не заметил даже традиционной банки с пиявками.

— Я немного почитываю, — признался он.

— Это хорошо. Мужчина должен всегда совершенствовать свои умственные способности, когда представляется такая возможность.

— Что там с Элиссой?

Дрекслер снял очки, подышал на них, затем протёр краем своего халата. Он успокаивающе улыбался.

— Она в порядке. У неё сенная лихорадка{20}. И это всё.

Феликс понял, отчего богатеи так охотно оплачивали услуги этого человека. Было что–то весьма успокаивающее в его тихом мягком голосе и спокойной уверенной улыбке.

— Не… не чума?

— Нет. Не чума. Никаких воспалений лимфоузлов. Никаких повреждений органов. Никаких гнойных язв на коже. Никаких обычных симптомов какой–либо из форм чумы. В этом я уверен.

Элисса вышла из кабинета для врачебных консультаций. Она улыбалась Феликсу. Он заставил себя улыбнуться в ответ.

— Я так понимаю, господин Ягер, что вчера вы контактировали с носителем чумы, — сказал внезапно посерьёзневший доктор.

— Да.

— Тогда лучше вас осмотреть. Позвольте мне взглянуть на вашу руку.

В течение следующих нескольких минут доктор исполнил какие–то таинственные ритуалы, подобных которым Феликс никогда не видел. Он прикоснулся к запястью и считал, следя за ходом хронометра на стене. Он болезненно простучал грудную клетку Феликса. Он осмотрел глаза Феликса через увеличительное стекло.

Это было не совсем то, чего ожидал Феликс. А где скальпели, мази и пиявки? Может быть, этот человек какой–то шарлатан? Он, несомненно, отличался от любого доктора или цирюльника, которых встречал Феликс. Во–первых, его одежда не была испачканной и покрытой коркой подсохшей крови. И мужчина был загорелым, что необычно для человека, большую часть жизни проводящего в помещении. Феликс упомянул об этом факте, и Дрекслер пристально на него посмотрел.

— Я некоторое время провёл в Аравии, — сказал Дрекслер. — Я изучал медицину в прославленной школе Ка Сабара.

Феликс посмотрел на стену. Там не было дипломов из каких–либо университетов Аравии. Дрекслер явно понял ход мыслей Феликса и засмеялся.

— В школе Ка Сабара не присваивают учёную степень. К тому времени, как ты её покидаешь, ты либо врачеватель, либо нет. А если нет, то никакой кусок бумаги тебя таковым не сделает.

— Справедливо подмечено. Но что же такого вы там изучали, чего нельзя изучить здесь, в Империи?

Подобно всем её гражданам, Феликс считал Империю наиболее развитым и просвещённым государством людей в мире. Он не представлял, чему такому могли научить арабы одного из её граждан. Эльфы или гномы — другое дело, но не арабы.

— Множество вещей, мой друг. Включая то обстоятельство, что у нас нет исключительного права на мудрость и что большинство из того, чему учат наши доктора попросту ошибочно.

— Например?

— Ну… Я не пускаю кровь своим пациентам. От этого больше вреда, чем пользы.

Феликс одновременно успокоился и был шокирован. Успокоился оттого, что подобно большинству людей его ужасал вид скальпеля медика. Шокирован потому, что мужчина явный шарлатан! Каждый знал, что кровопускание необходимо для освобождения крови от вредных телесных жидкостей и ускоряет выздоровление пациента. И после этого Отто утверждает, что этот человек — лучший врач Нульна, излечивший больше людей, чем все остальные хирурги–цирюльники вместе взятые. Более того, Дрекслер выглядит весьма культурным и образованным человеком.

— Вы думаете, я болен чумой? — внезапно спросил Феликс, удивившись страху и предчувствию, охватившему его в ожидании ответа Дрекслера.

— Нет, господин Ягер, не думаю. Я полагаю, что у вас небольшая простуда и ничего более. Я считаю, что у большей части людей этого города, которые думают, что больны чумой, вероятнее всего то же самое. И я полагаю, что паника при таких обстоятельствах будет более пагубна, чем чума сама по себе.

— В таком случае, вы не считаете, что чума реальна?

— О, я, безусловно, верю в её реальность. Я полагаю, многие люди умрут от неё, когда наступит летняя жара и ещё больше народа придёт из сельской местности. Но я знаю, что вы ей не больны, также как и любой из тех богатых людей, которых я осматривал. Если бы было иначе, вы были бы уже мертвы или при смерти.

— В таком случае, её легко диагностировать, — сухо сказал Феликс.

Дрекслер рассмеялся снова.

— Я дам вам и фройляйн Элиссе такие же ладанки с ароматическими травами, которые выдал вашему брату и его семье. Травы являются защитой от инфицирования чумой, и я к тому же наложил на них несколько заклятий.

— Кроме того, что вы доктор, вы ещё и чародей?

— Я врачеватель, господин Ягер, и я использую всё что угодно, если это лучшим образом помогает моим пациентам. Я непрофессионально занимаюсь заклинаниями защитного свойства. Я не могу полностью гарантировать их эффективность, как вы понимаете, но они должны сработать, если вы подвергнетесь воздействию чумы.

— Я благодарен вам за помощь.

— Благодарите не меня, господин Ягер. Благодарите своего брата, помимо прочего, ведь он оплачивает мой счёт.

Поворачиваясь, чтобы уйти, Феликс заметил, что Дрекслер пристально глядит на него. Его лицо побледнело, а глаза прищурились.

— В чём дело? — спросил Феликс.

— Этот … меч, что вы носите. Можно ли мне узнать, откуда он у вас?

— Пожалуйста. Он принадлежал другу, рыцарю Храма Пламенного Сердца по имени Альдред. Он умер, и я взял его меч в надежде когда–нибудь возвратить его рыцарскому ордену. Почему это вас интересует?

— Вы были другом Альдреда?

— Мы вместе путешествовали в землях князей Порубежья. Он кое–что разыскивал, когда погиб.

— Я знал Альдреда. Мы долгое время были друзьями. Мы вместе учились в семинарии сигмаритов. Довольно долго я ничего не слышал о нём.

— В таком случае, мне жаль, что я принёс вам плохие известия.

— Он погиб достойно?

— Он погиб как герой.

— Это как раз то, чего он хотел. Простите, что побеспокоил вас, господин Ягер.

— Нет, это я прошу прощения за то, что сообщил вам столь неприятные известия.

— Он выглядит, как очень любезный человек, — сказала Элисса. — И такой мудрый. Весьма убедительный.

— Что ты сказала?

Феликс посмотрел на неё. Он был взволнован тем совпадением, что Дрекслер знал умершего рыцаря–храмовника, и чувствовал себя отчасти виновным в том, что не предпринял достаточных усилий для возврата меча. Однако этот меч был превосходным оружием и не единожды спасал ему жизнь.

— Я сказала, что он весьма убедителен.

— Весьма.

Феликс кисло посмотрел на неё. Всю дорогу до „Слепой свиньи“ она пела дифирамбы доктору и не отнимала руки от ладанки с ароматическими травами. Феликс был удивлён — неужели он её ревнует. В действительности, он был согласен с женщиной, но по некоторым причинам ему было сложно признать это. Похоже, что Элисса это почувствовала. Она поглядела на него и шаловливо улыбнулась.

— В чём дело Феликс, ты ревнуешь?

Бормоча свои возражения, он изумлялся тому, что женщины обладают почти сверхъестественным инстинктом на подобные вещи.

* * *

Как только они вошли в таверну, подошёл Готрек. В массивном кулаке он держал свёрнутую трубку. Он запустил ею прямо в Феликса.

— Лови, — произнёс он.

Феликс схватил трубку в воздухе и сразу же узнал, что это такое. Это был такой же грубо изготовленный пергамент, как тот, что они ранее получили с предупреждением об атаке скавенов на Колледж Инженерии. Он торопливо развернул его, и почти не был удивлён, обнаружив, что тот исписан теми же безграмотными каракулями.

http://tl.rulate.ru/book/2491/47010